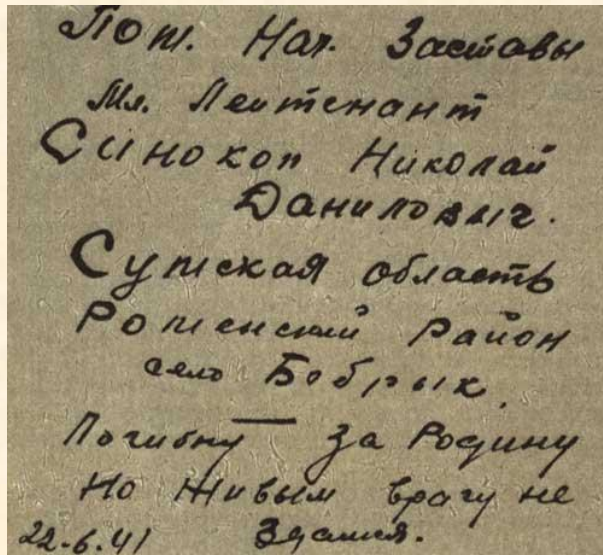

**Записка младшего лейтенанта
Н.Д. Синокопа**

22 июня 1941 г.

Пом. нач. заставы мл. лейтенант Синокоп Николай Данилович. Сумская область, Роменский район, село Бобрик.

Погибну за Родину, но живым врагу не сдамся. 22.6.41.

Пом. Нач. Заставы
Мл. Лейтенант
Синокоп Николай
Данилович.
Сумская область
Роменский район
село Бобрик.
Погибну — за Родину
но живым врагу не
22.6.41 сдамся.

Николай Данилович Синокоп (1918-1941). Родился в семье крестьянина. В 1938 году был призван в Красную Армию. В 1940 году стал младшим лейтенантом, помощником начальника погранзаставы на западной границе СССР. В первые часы боя комсомолец Синокоп поклялся стоять насмерть, но не пропустить врага. Он вынул свой «смертный медальон» и записал слова клятвы на том же листочке, на котором были записаны его фамилия и место рождения.

После упорных, кровопролитных и бесперывных боев уцелевшие

пограничники вынуждены были отступать на восток. Утром 14 июля колонну пограничников численностью до 200 человек, двигавшуюся из города Сквир в направлении станции Попельня, настигли 16 фашистских танков. При входе в деревню Парипсы (4 километра северо-западнее станции Попельня) пограничники решили принять бой. По сигналу командира бойцы заняли оборону. Схватка была беспощадной, но силы были слишком неравны.

После боя жители окрестных деревень возле подбитых, объятых пламенем танков врага подобрали 136 убитых пограничников и похоронили их. Среди документов, найденных у них, была обнаружена записка, которая лежала в медальоне младшего лейтенанта Н. Д. Синокопа. Записка хранится в Центральном музее пограничных войск.

Эти свидетельства взяты из заявлений и писем жителей Львова, сумевших пробраться с помощью партизан на территорию, занятую частями Красной Армии. Очевидцы чудовищных зверств гитлеровцев, передавшие свои документы в Совинформбюро, показывают: немецко-фашистские войска сознательно истребляют мирное население. Эти материалы были опубликованы в газете «Известия» 9 августа 1941 года.

Заявление учительницы средней школы А.К. Ковальской

1 августа

Львов – старинный город. Он много видел на своем веку, но зверства фашистов затмили все, что когда-либо творилось в стенах древнего города. Заняв город, фашисты начали загонять в кинотеатры и клубы арестованных профсоюзных активистов, стахановцев, членов семей работников общественных организаций. В кино «Европа» фашисты согнали около 500 человек. Немецкий офицер потребовал от них, чтобы каждый в письменной форме назвал всех известных ему лиц, принимавших активное участие в общественной жизни. Из 500 человек нашлось только шесть трусов, испугавшихся угроз фашистского офицера. Все остальные граждане ответили на угрозы гитлеровца презрительным молчанием. Тогда фашисты начали хватать каждого пятого и выводить на улицу. Не меньше 100 человек было расстреляно в ближайших дворах.

Письмо рабочего гильзовой фабрики «Аида» И. Брянцева

На моих глазах гестаповцы расстреляли из пистолетов 25 рабочих и служащих фабрики – членов фабкома и других активистов профсоюзной организации. Тридцать стахановок и активисток львовской швейной фабрики № 1 были убиты штурмовиками ночью на квартирах. Пьяные немецкие солдаты затаскивали львовских девушек и молодых женщин в парк Костюшко и зверски насиловали их. 15-летнюю школьницу Лидию С. поочередно изнашивали семь немецких танкистов. Истерзанный труп несчастной девочки фашисты бросили в помойку дома № 18 на улице Словацкого. Старика-священника В. Л. Помазнева, который с крестом в руках умолял пощадить население и пытался предотвратить насилия над девушками, фашисты избили, сорвали с него рясу, спалили бороду и закололи штыком.

Свидетельство рабочего кондитерской фабрики «Большевик» Г. Бармаша

Фашисты в первый же день арестовали всех рабочих – руководителей профсоюзных и общественных организаций (МОПР, Красный Крест и др.). После мучительных пыток немцы расстреляли 18 активистов, а остальных бросили в тюрьму. Я был очевидцем, как в центре города около ресторана «Атлас» группа пьяных офицеров схватила пробежавшую мимо девушку 17 лет Галину Кочура. За то, что она сопротивлялась и пыталась вырваться, фашисты сорвали с нее платье и стали наносить ей удары рукоятками револьверов. Труп девушки с раскроенным черепом до утра валялся под окнами ресторана.

Из дневника студентки Сарры Глейх

20 октября

Велели раздеться до сорочки, гнали по краям траншеи, но края уже не было – все было заполнено трупами, в каждой седой женщине мне казалось, что я вижу маму... Фаня все не верила, что это конец: «Неужели я никогда не увижу солнца?» А Владя спрашивал: «Мы будем купаться? Зачем мы разделись? Идем, мама, домой, здесь нехорошо»... На этом все обрывается. Когда я пришла в себя, были уже сумерки, трупы, лежавшие на мне, вздрагивали, это немцы стреляли, уходя..., они боялись, что много недобитых, и они не ошиблись. Было много заживо погребенных. Кричали маленькие дети, которых матери несли на руках, а стреляли нам в спину, и малыши падали невредимые, а на них валились трупы... Я начала выбираться из-под трупов, встала, оглянулась. Раненые копошились, стонали. Я начала звать Фаню... Какой-то старческий голос напевал «лайтенах», это было ужасно...

Незадолго до этого ее сестры, Фаня и Рая, жены военнослужащих, ходили в военкомат узнать, будет ли эвакуация. Им ответили, что «эвакуация раньше весны не предвидится». 8 октября начальник конторы связи, где работала Сарра, сказал: «9 октября – эвакуируемся, нужно подготовить документы, можно взять семью». В 12 часов дня в город, отданный без боя, вошли немцы.

Через несколько дней к траншеям, вырытым жителями Мариуполя для обороны города, немцы пригнали очередную партию евреев. Среди них была и Сарра Глейх. После расстрела ей удалось выбраться из траншеи. После 5 недель блуждания в степи она смогла выйти к нашим войскам. В мариупольских траншеях лежат 9 тысяч человек.

Письмо старшины В. Блинова о сослуживцах

25 октября

Какой беззаветной самоотверженностью, каким скромным благородством веет от работы девушек-санитарок Фани Вольнищиной, Люси Зайцевой, Жени Талюдиной и других спасительниц раненых бойцов.

Встретив Фани Вольнищину, вы не подумаете, что эта маленькая, с открытым, приятным лицом, скромная девушка способна на самоотверженные подвиги, на риск.

...Орудийная канонада потрясала землю. Враг шел в атаку и яростно обстреливал наши укрепления. Наша артиллерийская батарея не оставалась в долгу. Убийственными залпами она громила фашистов. В этот ответственный момент на одном из участков обороны замолчали пулеметы: для их охлаждения не было воды. Несколько бойцов вызвались достать воду и устремились к реке, бешено обстреливаемой врагом. Но обратно смельчаки вернуться не смогли. Они были ранены. Фаня Вольнищина и ее подруги – Люся Зайцева, Женя Талюдина бросились на выручку раненых. Под градом пуль сделали им перевязки, доставили товарищей в безопасное место, к тому же захватив из реки воду для пулеметчиков. Надо было видеть, как Фаня и ее подруги справлялись с непосильной ношей.

Подвиг девушек воодушевил и бойцов. Сражение нами было выиграно.

Однажды Фане Вольнищиной, Люсе Зайцевой и Жене Талюдиной поручили эвакуировать на автомобиле раненых бойцов. В пути машина сбилась с дороги, и девушки оказались в окружении врага. Группа фашистов набросилась на автомобиль с ранеными, но ничего не могла поделать. Автомобиль вырвался из окружения. Девушки доставили больных по назначению.

Таковы эти три замечательные подруги, заслужившие большую любовь бойцов.

Опубликовано в газете «Правда» 25 октября 1941 года.

Письмо политрука Н. Т. Гатальского родным

13 ноября
г. Волхов

Здравствуй, моя дорогая жена Станислава, дочь Валенька и мама!

Простите, что я плохо пишу: пишу на коленях, на клочке бумаги. Спешу сообщить, что я жив, скоро вступаем в бой.

Может быть, это письмо будет и последним, мои дорогие. Дорогая жена, смотри дочь и досмотри мою мать. Если от меня больше весточки не получишь, то знай, что я отдал свою жизнь честно за вас и за свою любимую Родину.

Будьте счастливы – ваш муж и отец.

Стася! Еще прошу: смотри дочь.

Целую вас всех.

Коля.

Сражался на Ленинградском фронте. Утром 13 ноября 1941 года у деревни Морозово Николай Трофимович Гатальский поднял в контратаку свое подразделение, отбив очередное наступление немцев... Когда бой утих, на снегу, в окружении черневших трупов фашистов, бойцы нашли погибшего политрука. Похоронен на Октябрьском военном кладбище в Волхове.

Записка и письмо партизанки В. Поршневой матери

29 ноября

Завтра я умру, мама.

Ты прожила 50 лет, а я лишь 24. Мне хочется жить. Ведь я так мало сделала! Хочется жить, чтобы громить ненавистных фашистов. Они издевались надо мной, но я ничего не сказала. Я знаю: за мою смерть отомстят мои друзья – партизаны. Они уничтожат захватчиков.

Не плачь, мама. Я умираю, зная, что все отдавала победе. За народ умереть не страшно. Передай девушкам: пусть идут партизанить, смело громят оккупантов.

Наша победа недалека!

* * *

30 ноября

Милая мамочка!

Пишу это письмо перед смертью. Ты его получишь, а меня уж не будет на свете. Ты, мама, обо мне не плачь и не убивайся. Я смерти не боюсь... Мамочка, ты у меня одна остаешься, не знаю, как ты будешь жить. Я думаю, что Зоя тебя не бросит. Ладно, моя милая, доживай как-нибудь свой век. Мама, я все же тебе немного завидую: ты хоть живешь пятый десяток, а мне пришлось прожить 24 года, а как бы хотелось пожить и посмотреть, какая будет дальше жизнь. Ладно, отбрасываю мечты...

Писать кончаю, не могу больше писать: руки трясутся и голова не соображает ничего – я уже вторые сутки не кушаю, с голодным желудком умирать легче. Знаешь, мама, обидно умирать.

Ну ладно, прощай, моя милая старушка. Как хотелось бы посмотреть на вас, на тебя, на Зою, милого Женечку, если сохраните его, расскажите ему, какая у него была тетя. Ну, все. Целую вас всех и тебя, мою мамочку.

Твоя дочь Вера

Комсомолка Вера Поршнева росла без отца. До войны была библиотекарем, литературным сотрудником районной газеты. Много и упорно училась, охотно выполняла общественные поручения. Когда началась война, Вера окончила курсы пулеметчиц и добилась назначения в партизанский отряд, где проявила себя находчивым и храбрым бойцом. По заданию командования отряда партизанка проникла в немецкую комендатуру, стала лучшей разведчицей отряда. Но Веру выдал предатель. Двенадцать дней гестаповцы истязали девушку, допрашивали и глумились над нею.

Ничего не добившись, палачи пошли на хитрость: ее освободили. Вера решила вернуться в отряд. Но за ней постоянно следили, и через два дня ее снова схватили. Попытки были нечеловеческие: загоняли раскаленные иглы под ногти, выводили полуголую на мороз, не давали воды и еды. Но лишь ненавистью наполнялись ее глаза, которые раньше, до войны, все называли добрыми.

На клочке серой бумаги Вера написала матери несколько строк – в них и боль сердца, и разумное утешение, и уверенность в скорой победе. Но передать эту записку незаметно не удалось. Незадолго до смерти она написала еще небольшое письмецо, которое зашила под подкладку пальто.

Перед тем как расстрелять ее, озверевшие гестаповцы на теле героини раскаленным железом выжгли пятиконечную звезду. Вера Николаевна Поршнева погибла 21 декабря 1941 года.

Жители деревни похоронили ее за околицей, а когда пришла Красная Армия, перенесли тело девушки в братскую могилу. И только тогда была обнаружена под подкладкой ее пальто записка.